

Н. В. Голик¹**ЭТНОКОНФЛИКТ: «ЖАЛО ЧУЖОГО»**

Настороженное отношение к незнакомому, иному, чужому, боязнь встречи с ним были качествами, необходимыми для существования человека и человеческого общества на протяжении всей истории. Архаичность природы деления на «своих» и «чужих» сохраняется и в наши дни, составляя психологический базис страха перед изменениями привычного хода событий. «Втягивание» в силовое поле социальных изменений превращает присущее человеку естественное свойство настороженности в неприятие иных групп (тех, к которым Я не принадлежу) и «возложение на них ответственности за социальный, политический, экономический и прочий дискомфорт, который человек испытывает в связи с меняющимся социальным текстом» (Н. Гиренко). Латентная ксенофобия становится неизбежным и постоянным спутником общественных систем, находящихся в процессе трансформации.

В этих условиях всегда возникают и начинают действовать лица и группы, главной целью которых становится стремление все вернуть «на круги своя». Это «режиссеры» грандиозного спектакля, задуманного и разыгрывающегося по пьесе, содержание которой подчинено одной, но «пламенной» идее: создать стабильное, социально комфортное, «справедливое» пространство существования, не терпящее инакомыслия, инаковерия, инакодействия. Одним из самых показательных, успешных и безоговорочно принимаемых или срабатывающих «режиссерских» приемов становится *этничность*, игра на проблемах этноса, переживающего процессы модернизации, индустриализации и глобализации. Известно, что именно национальное чувство — самое сильное, что есть в эмоциональном строе человека и человечества, сильнее, чем, как принято считать, любовь. Следовательно, возвышение или унижение национального чувства тоже вызывает самые сильные эмоции, и, следовательно, вокруг него может структурироваться силовое поле самой предельной напряженности. Этничность «выбирается как несложная форма организации общества, посредством которой люди могли бы забыть о разобщенности и слабости и перестать чувствовать себя жертвами воздействия более сильных исторических сил, засасывающих их в свой водоворот» (Ф. Фукуяма).

Ксенофобия и этнодискриминация сегодня — это не только проблема современной России, это проблема интернациональная. С ней сталкиваются все страны, вовлеченные в глобализационный процесс. Подобно волне, которая накрыла, а затем обнажила «дно океана», глобализация выявила остроту проблемы ксено-

фобии. Однако в России она приобрела особенно резкие черты.

Ксенофобия и этнодискриминация, как показывают современные социально-психологические исследования, не могут быть объяснены в полной мере историко-культурными (формирование образа врага как необходимой инстанции для сплочения нации); социально-политическими (этнодискриминация: депортация, многолетняя политика государственного антисемитизма, на смену которой пришло «специфическое» отношение к людям так называемой «кавказской» национальности) и экономическими (резкое ухудшение материального положения, социальное расслоение и весь ряд связанных с этим фактом последствий) причинами. Острота этнонациональной напряженности — постоянный спутник всех форм социальных изменений, и в этом плане она является одним из следствий современной социально-экономической ситуации в России, результатом так называемых медленных реформ, без форсирования, при которых «шоковая терапия» в реальности оказалась «шоком без терапии» (П. Штомпка). Как точно сказано: «Тот самый Человек, его самоценная личность, который в нашей новой Конституции провозглашен высшей ценностью, выше государства, был сразу же брошен, запущен в новый, неслыханный, добро бы еще важный эксперимент с идеей, а то не имеющий ничего такого, что было бы похоже на новое слово в истории, *просто так* эксперимент: а посмотрим, если еще и так прижать людей, чтобы им стало уж совсем странно, как они начнут у нас вертеться» (В. Бибихин).

В социальном опыте страны отсутствовало переживание экономического эксперимента «созидательного разрушения», целенаправленно связанного с «шоковой терапией». Большинство населения оказалось в состоянии «неготовности» к переменам ни в экономическом, ни в социальном, ни в культурном смыслах, которые неразрывно связаны друг с другом. Социальное расслоение, достигшее опасной черты, вызывало у людей продолжительное состояние напряжения; эмоциональной константой переживания ситуации стало ощущение унижения, несправедливости и безысходности, «удобряющее» глубины подсознания ядом рессентимента.

Важной координатой, определяющей сложный ансамбль эмоционального состояния современной России, является специфическое отношение к идолу современного общества — деньгам. По образному выражению С. Московичи, деньги стали нашим главным учителем: «Деньги — это наш Сократ». Платон говорил: «Что подумал бы Сократ о том или другом вопросе?» Точно так же, как только мы видим предмет или слышим о нем, мы спрашиваем: «Сколько он стоит?» Современный французский социолог выявляет примитивизм природы капитализма и его морализаторства, которым он терроризирует человеческое сознание, ибо «моральный кодекс» строителей капитализма «ничуть не менее абсурден, чем коммунистический

¹ Профессор кафедры эстетики и философии культуры Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук. Автор более 140 научных публикаций, в т. ч.: «Этическое в культуре», «Проблемы модернизации России», «Глобализация в мире “разных цивилизаций”», «Деконструкция тоталитарного общества как основание психосоматических заболеваний», «Постсоветский человек: границы идентичности», «Закон сохранения культуры», «Философия образования и императив толерантности» и др.

моральный кодекс, вместе с тем он намного более ригористичен, поскольку не предполагает возможности какой-то иной морали, кроме морали денег» (С. Фокин). Вспомним феномен «демонстративного потребления», по Веблену.

С этим связана, прежде всего у молодежи, ирреальность, «завышенность» социально-экономических ожиданий и агрессивные проявления, когда обнаруживается невозможность их реализации, когда не срабатывает принцип «По щучьему велению, по моему хотению». В результате, как писал Э. Дюркгейм, «общество, состоящее из бесчисленного числа неорганизованных индивидов, задачу подавления и содержания которых вынуждено взять на себя гипертрофированное государство, представляет собой картину поистине чудовищную». В таком обществе национальное чувство, отметил еще в 1927 году французский мыслитель Ж. Бенда, превращается в национальную гордыню, в национальную обидчивость: «Чтобы понять, каким страстным, совершенно иррациональным и удивительно мощным оно при этом сделалось, достаточно вспомнить о шовинизме — роде патриотизма, изобретением которого мы обязаны демократии». Для понимания ситуации нам следует «выделить общие структуры, темы и коннотации на уровне дискурса, а на уровне более глубоком — уловить спрятанные, вытесненные фундаментальные элементы, то невысказанное, фантазматическое содержание, которое и интересует в первую очередь любого исследовате-

ля ментальностей и коллективных установок. <...> Эти темы и структуры проявляются в форме повторяющихся лейтмотивов».

Французский исследователь ксенофобии относит шовинизм к сфере не рационального, а эмоционального, населенного образами, символами, ассоциациями и нарративом. Именно здесь коренится «идеопорождающая сила» шовинизма, одна из составляющих которого — «нескрываемое презрение и ненависть к иностранцам».

Ксенофобия как всякое массовое явление маркирует онтологический антагонизм, «точки» разрыва «ткани» социального и культуры, если под культурой, опираясь на этимологию слова, подразумевать бережное возвращение человеческого (духовного) в человеке. Полагать, что может возникнуть общество, в котором исчезнет антагонизм, значит находиться в плену иллюзий, ибо антагонизм — это постоянно существующая возможность. Следовательно, ни марксистский экономический детерминизм в целом, ни понятие классовой борьбы, обозначающее средоточие антагонизмов в обществе, не могут быть адекватными для описания социального, поскольку «они выступают попыткой “защитить” исходный разрыв и по определению рано или поздно обречены на провал» (Ш. Муфф, Э. Лаклау). В этом смысле ксенофобию просто так запретить («защтопать») или подавить невозможно, ее можно только регулировать.